N 16 1996

ВАЛЕРИЙ ЗЕМСКИХ

Земских Валерий Васильевич родился в городе Волхове под Ленинградом. Окончил физический факультет Ленинградского университета.

Работал на атомных станциях (в том числе на Чернобыльской).

Долгое время не печатался. С 1990 года стал постоянным автором литературной страницы "Тик-Так", которую вёл Михаил Кузьмин.

Публиковался в газетах: "Смена", "Литератор", "СегоДня", "Слово и дело", "Гуманитарный фонд" и др., в журналах: "Сумерки", "Топка", "Новый журнал" (СПб), "Литературное обозрение", "Новое литературное обозрение", альманахах: "Петрополь", "Черновик" (США), в "Антологии русского верлибра".

Выпустил две книги стихов: "Неверный угол (1991) и "Страстная неделя" (1993). Живёт в Санкт-Петербурге.

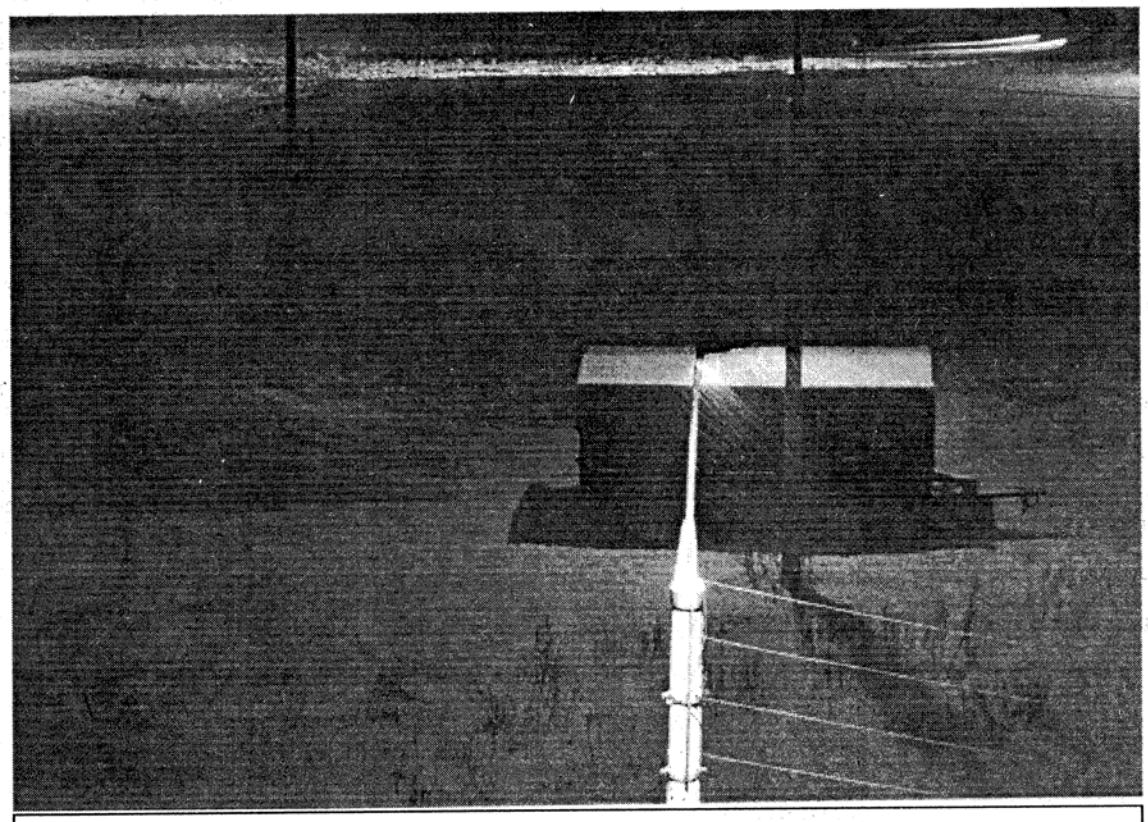
* * *

Следует обойти свалку вокруг.
След в след за тем, кто уже... Дохлая собака. Инстинктивный поворот головы.
Не видеть - более сильное стремление, чем видеть.
Брёвна в Екатерингофке. Никогда не уверен в именах собственных. А чья это собственность?
Реки? Но она ими не пользуется.
Следует обойти текст вокруг. След в след за тем, кто уже...
Не видеть то, что за пределами текста, чем видеть то, что внутри текста.
Первое слово является само.
Или не является вообще. На нет и суда нет.
А последнее?
Своеволие постороннего.
Поддеть ногой жестянку из-под пива. Куда полетит? На какой стороне цепочки следов упадёт?
Наивность любых усилий очевидна.
Но ничего другого нет.
К тому же...

* * *

Читаю в подвале Борхеса.
Абенхакен эль Бахари погибший в лабаринте.
О паутине.
И вдруг вижу по полу двигается большой паук.

Нет ничего глупее, чем читать эти книги.
Чтение любой книги - глупость, но этих...
Первый раз я купил его случайно на Тверской, тогда ещё улице Горького в киоске "Союзпечати".
Имя автора ничего не говорило. Маленькая книжка из любимой мною серии. Зелёная обложка.
Я ехал на юг в командировку на атомную станцию.
И читал её сначала в самолёте, а затем в долгом путешествии по реке. Сквозь стёкла на носу "Ракеты" пекло солнце. Днепра я не помню.
Высокие стены шлюзов. Где-то наверху по закрытым воротам шла женщина с бидоном.
Ещё одно воспоминание - не столь отчётливо. Не пытаюсь и рассказать.
Мне кажется, что я однажды описывал это.
Записать, чтобы запомнить или чтобы забыть?
Чтобы записать.
Чем дальше живёшь, тем память хранит всё меньше.
В каком виде сохраняются воспоминания. Зрительные образы - это понятно (не совсем). Слова - тоже. События переведённые в слова - тоже ясно.
А ощущения?



Сергей Осьмачкин.Из серии"Разговоры ни о чем".1995-1996.

СТИХИ КАК НЕОСОЗНАННЫЙ ВИД ГРЯЗИ

Возможность дождя.
То, что отсутствует сейчас, ибо идёт дождь.
Две противоположности: дождь и его возможность.
Избавиться от поэзии с помощью её возможности - боевой клич времени.
Но она есть как дождь и поэтому невозможна.
Даже здесь в подвале стук капель с потолка о перевёрнутый колокол оцинкованного ведра. Это дождь, невозможный здесь и сейчас.
Прекрытия, этажи, крыши, водостоки - всё к невозможности.
Дождь идёт.

БАНЧЕГАУЗ

Банчегауз был неприятен. С первого взгляда. Со второго - ещё неприятнее. Я его любил.
Любил день. Два. Три. Особенно, когда его не было. Иногда он был похож на серый мрамор станции метро "Чернышевская" с бледными размывами. Иногда нет. Чаще от него ничем не пахло.
"Фома",- говорил мне Сёма.
Я с ним соглашался. Не всегда.
Банчегауз и Сёма - две вещи несовместные. По утрам особенно.
"Жизнь, конечно", - думал я и выпивал первый стакан. Наливал второй, наполовину. Молоко кислило.
"Можно бы попробовать, только стоит ли?"
Я закрывал глаза и пытался представить.
Банчегауз и всё.
Идти под дождём с закрытыми глазами - лучший способ сесть в лужу. Но открыть глаза нет сил. Откроешь - и ничего нет. Банчегауза нет. Сёмы нет. Дождя нет...
Есть только лужа, в которой сидишь.

ВЛАДЫКА МИРА

Муха между стёклами проснулась, привстала на цыпочки. И снова уткнулась в мягкую подушку пыли.
Я постучал пальцем по окну...
Не шелохнулась больше.
Ну, а вдруг бы полетела?
Что мне с того. На меньшее, чем весь мир, я не согласен. Но что с ним делать - не знаю. Надеюсь, что не предложат.
А как хочется получить всё.

ВРЕМЕНА ГОДА

Мяуканье добавляет аромат в тёмные весенние вечера. Неторопливое превращение тёмных вечеров в белые ночи чему-то способствует. А быстрый переход белых ночей в чёрные осенние утра не способствует.
Зима не знает каким боком к нам повернуться. А мы не знаем какой бок нам ближе.
И когда крыса пробегает из угла в угол, мы задумываемся. Ботинок покачивается в руке, стоять босиком холодно.
Не знаю как мы, а мне хочется лечь.

ПЕРЕХОД ВРЕМЁН

Сломанная пружина будильника вызывает недоумение. Ясное несовершенство мира. И лопнул ход времён.
Возможно время идёт, хотя как быть в этом уверенным. Но ты не замечаешь хода. Не слышишь. И раньше не слышал, не до того. Но звук был.
Ход времени, пока ты бодрствуешь, вещь не больно и важная. А вот когда спишь! Что происходит со временем? Увёртки всё это. Нет тебе дела до хода времени. Боишься не проснуться - вот в чём вопрос.
Не прозвенит будильник и конец. А так хочется лечь.

ЧИСЛА

Привязанность к датам, стремление к числам, к нумерации, к иерархии.
Боязнь анархии, как смерти, разложения, неясности, неисчисленности. Умереть не от удара шпаги, а в воде, в огне - вот ужас.
Даты рождения и смерти на гипсе, камне, бумаге - успокаивают. Привязали, прибили, выбили.
Двойка следует за единицей. Единица идёт перед двойкой. Ноль? Ноль побоку.
Можно помухлевать с арифметикой, подтасовать ответы. Перепутать даты. В отсутствие числа - не перепутаешь. Любая перестановка бессмысленна. Ничто не изменится. Не исчислится.
Остаётся... Остаётся ли? Нет числа - нет деления - нет остатка. Остаётся лечь.

ДРУГАЯ ЗАДАЧА

Дуэль. На шести шагах.
Могут ли пули столкнуться в воздухе?
У меня другая задача. На шести дюймах и не в воздухе.
С одной стороны, - проще: на таком расстоянии отклонение невелико.
С другой стороны, - скорость велика, сложно синхронизировать выстрелы.
Пистолеты, само собой, одной системы и пристреляны. Одновременно нажать курки руками невозможно, не говоря уж о том, что вручную не поставить стволы на одну линию.
Штативы! К тому же на штативах удобно собрать систему одновременного спуска курка. Нажал одну кнопку - срабатывают оба пистолета.
Сопротивляемость костей и мозга что в левой, что в правой половине приблизительно одинакова, хотя...
Надо только, чтобы стволы были плотно прижаты к углублениям на висках. Тогда пули столкнутся точно посредине головы.
Проверим.

ВОСПОМИНАНИЕ О ЦВЕТЕНИИ САКУРЫ

Она говорит, что любит.
Стряхивает с груди крошки. В белом. Или пепел? Балкон далеко - не разобрать. Исчезла. Исчезли. Две стояли. Сестра, подружка, тётушка?
Ковёр остался на балконе. Вишнёвый, с зелёными полосами по краям. Вишнёвый. Цветение вишни в саду, водопады с гор. Здесь нет ни водопадов, ни гор, ни вишен. Когда цветёт вишня? Не знаю. Черёмуха отцвела под окном. Рябина в белом цвету.
Что-то розовое висит над ковром. Полотенце?
Опять на балконе... Не она - подружка. Пританцовывает, поедая яблоко. В жёлтеньком, рыженькая. Вот их уже трое. А я один. Я не умею петь. Я смотрю, как они швыряют вниз огрызки яблок и прячутся.
Снова появились. Не они. Появился. Как ему плохо, хуже чем мне. Как бессильно падает его голова на ковёр. Не троньте его. Он ещё... Он ещё головой встряхивает. Трёт лицо... Зачем же ты его по щекам, сиреневая! Он очень ещё ничего.
А я?
Так проходит слава, любовь, мир, головная боль.

МИНУС КРЕСТ

Закрываю глаза. Радуюсь, что закрываю сам. Но не долго радуюсь. Самому не открыть.
Может и не надо? Ну конечно, не надо. Чего я не видел.
А действительно, чего я не видел?..
Не вспомнить.
Закрываю глаза. - Но они уже закрыты. - Ну и что? Открытые всякий закроет. - Не всякий? - Да, не всякий. - Ну, не себе - так другому. - А закрыть закрытые глаза...
Вот-вот. Здесь минус на минус плюса не даст. Разве что воткнуть в землю...
Но это уже не для меня.